

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Щегорцовой Елизаветы Алексеевны на тему: «Просодические особенности хеджинга в межличностной коммуникации британцев (на материале художественных фильмов и сериалов)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Диссертационное исследование Е.А. Щегорцовой подводит итог исследованиям автора в областях лингвистического знания, весьма актуальных для современной науки о языке – дискурсологии, прагмафонетики и лингвокультурологии. В ходе изучения фонетического аспекта современной звучащей речи исследователи все чаще обращаются к проблеме влияния контекстных факторов на просодическую реализацию дискурса. Диссертация Е.А. Щегорцовой, в которой изучается варьирование просодических особенностей хеджинга в процессе межличностного взаимодействия двух социальных классов в современных художественных фильмах и сериалах, принадлежит к этому научному направлению, что определяет **актуальность** исследования. **Актуальность** работы заключается также в необходимости комплексного исследования феномена хеджирования, который, хотя и получил довольно широкое освещение в теоретико-лингвистической литературе, всё ещё порождает многие нерешённые вопросы, связанные с характеристикой его семантических, функционально-стилистических и коммуникативно-прагматических аспектов в английском языке.

Экспериментально-фонетическое исследование просодических особенностей хеджирования в коммуникации британцев с учетом классовой принадлежности ранее не проводились, что свидетельствует о **научной новизне** диссертационной работы. Впервые описаны прагматические, лексико-грамматические и просодические закономерности маркеров речевого отгораживания среди представителей среднего и рабочего классов.

Не менее существенной составляющей представленной диссертации является использование обширного эмпирического корпуса, включающего лингвистические работы (205 публикаций), а также практический материал – высказывания, содержащие лексико-грамматические средства хеджинга, полученные для эксперимента методом сплошной выборки из британских художественных кинофильмов и сериалов (общим числом 1032 единицы). Это придаёт авторскому эмпирическому корпусу нужную сбалансированность и в целом определяет весьма существенную **практическую ценность** всей диссертации.

Поставив перед собой в качестве **цели** выявление и систематизацию просодических особенностей средств хеджинга в межличностной коммуникации британцев – представителей среднего и рабочего классов, соискатель выдвигает ряд **задач**, наиболее весомыми из которых

представляются анализ прагматических особенностей и конкретизация основных коммуникативных задач, решаемых с помощью данной стратегии, составление перечня наиболее частотных лексико-грамматических средств хеджинга в межличностной коммуникации среднего и рабочего классов, описание просодии и выявление просодических закономерностей в коммуникации двух социальных классов. Тем самым диссертант предполагает обнаружить возможные новые пути дальнейшего развития фонетического знания в части просодических, лексико-грамматических и прагматических особенностей хеджинга в речи представителей разных социальных групп, что еще раз подчеркивает теоретическую **новизну** работы.

Из положений, выносимых соискателем на защиту, хотелось бы выделить второе (фиксирующее лексико-грамматические и лингвопрагматические особенности хеджинга в зависимости от социальных классов) и третье (определяющее просодические характеристики хеджинга в речи) (с. 10–11 дисс.). В то же время, на фоне этих обоснованных положений первое положение кажется довольно предсказуемым.

Для достижения своей исследовательской цели автор в первой главе исследования обращается к таким теоретико-методологическим вопросам как понятие хеджинга в лингвистике, хеджинг в коммуникации британцев и подробно рассматривает языковые средства выражения хеджинга, его просодические, лингвокультурологические, прагматические и социокультурные особенности в британской речи. Построение первой главы, трактуемой автором как «Теоретические основы изучения хеджинга в современном английском языке» вполне логично, а ее шесть параграфов взаимосвязаны и служат созданию общего фона для дальнейших размышлений на тему работы.

Рассуждая в первом параграфе о хеджинге как средстве не прямой коммуникации, автор вполне уместно цитирует релевантные труды, уделяя особое внимание взглядам зарубежных ученых Б. Фрейзера и Н. Риккинен. В целом предпринятый диссертантом выбор работ следует одобрить, однако автор крайне осторожно приводит точки зрения ученых на рассматриваемую проблематику, результатом чего стало отсутствие каких-либо критических замечаний в адрес предложенных определений и подходов. Принимая во внимание важность этого параграфа, возможно было бы более оптимальным образом изложить его содержание не по персоналиям, а по проблемным полям.

Во втором параграфе рассматриваются классификации хеджей отечественных и зарубежных ученых, опираясь на которые диссертант представляет собственный список средств хеджинга (с. 34–35). Однако, при этом не уточняет необходимость создания такого списка, который менее репрезентативен, чем существующие классификации. Так же автор лишь выборочно сопровождает свой перечень примерами хеджей, что снижает его наглядность и полноту описания.

Комментируя просодические особенности хеджинга в третьем параграфе, диссертант отмечает два основных подхода к изучению просодической стороны реализации не прямой коммуникации в устной речи. Представляется особенно

важным включение работ, посвященных эмоционально-модальной функции просодии отечественных ученых Е.Л. Фрейдиной, М.Ю. Сейранян.

Менее удачным представляется четвертый параграф «Лингвокультурологический потенциал хеджинга», поскольку в нем автор описывает хорошо известный концепт *privacy* в британской культуре, и ограничивается упоминанием британского юмора, сдержанности и короткой светской беседы (*small talk*) в качестве основных характеристик английской культуры. Нарративный стиль изложения включает довольно известные факты, уже описанные во многих работах, к примеру: «... англичан с самого детства учат не нарушать личные границы окружающих», «англичане могут казаться холодными и слишком отстраненными...» (с.47).

Более самостоятельны рассуждения диссертанта в пятом параграфе, где рассматривается прагматический потенциал хеджинга. Представляется ценным составление автором, на основе изученных научных работ, возможных прагматических намерений использования средств хеджинга политическими деятелями в своих речах, а также выделение основных функций, выполняемых средствами непрямой коммуникации в письменной речи.

Шестой параграф посвящен социокультурным особенностям хеджинга. В нем кратко представлены проблемы гендерного использования средств хеджирования и обозначена ниша, требующая дальнейшего внимания ученых, поскольку до сих пор не существует лингвистических исследований связи социального статуса и склонности использования средств речевого отгораживания.

Вторая глава обращается к осуществленному автором работы эксперименту и открывается описанием экспериментального материала и авторским обоснованием выделения двух социальных классов – среднего и рабочего для дальнейшего изложения прагматических и лексико-грамматических особенностей хеджей в речи представителей данных классов. Важным следует считать выявление 10 коммуникативных задач, для решения которых британцы могут прибегать к стратегии хеджинга в межличностном общении (с.70). Однако остается не вполне понятным, как автор проводит контекстуальный и функционально-прагматический анализ хеджированных высказываний в речи киногероев с целью установления коммуникативной задачи?

В качестве примера можно привести следующие фрагменты работы:

на стр.72 «*I just popped down for a while*», «*I just said he was making a fuss*»;

стр. 73 «*I'm afraid you did it again, Bill*» и т.д., которые трактуются автором как высказывания факта. Хотелось бы получить комментарий, по каким критериям автор относит упомянутые высказывания к группе фактов, а, например, не включает их в группу выражения намерения, когда собеседник пытается возразить, оправдаться или опровергнуть иное суждение?

Как представляется требуется более подробное разъяснение тонкостей анализа, позволяющее в полной мере оценить масштаб эксперимента и важность полученных результатов.

Диссертант использует термин «речевой акт» (с.69), но никак в дальнейшем не поясняет для чего необходимо было вводить данное понятие в работу и как оно понимается автором?

Давая оценку третьей экспериментально-фонетической главе исследования, хочу выделить следующие моменты. Во-первых, проведен подробный электроакустический и слуховой анализ частотных хеджей, функционирующих в межличностном кино-общении британцев среднего и рабочего классов, что позволило автору получить убедительные данные, доказывающие их просодическую непроминентность. Во-вторых, установлено, что просодическая составляющая реализации хеджей в двух социальных группах имеет много схожего. В-третьих, автору удалось проследить, как интонация способна усилить или ослабить роль хеджинга в высказывании. Однако при этом хотелось бы уточнить:

1. В чем состояла гипотеза данного исследования?

2. В экспериментальном материале встречается описание и анализ разнообразных ситуаций, когда начальник увольняет сотрудницу (с.146) или рабочие переговоры (с.108), разговор супругов (с.108), разговор юноши с девушкой, когда он просит у нее номер телефона (с.102) и т.д., почему, по мнению автора, будет достаточным лишь наличие хеджа во фразе, без учета многих других факторов, чтобы объединить этот вариативный материал и пытаться выделить закономерности, характерные для просодического оформления хеджей в речи в разных дискурсах?

3. Взяв за основу точку зрения зарубежного ученого Н. Риккинен, проводившей эксперимент в научном дискурсе в ситуации высказывания оппонентами критических замечаний, диссертант использует тот же самый подход для определения является ли лексическая единица хеджем. В связи с этим возникает вопрос, насколько универсальным можно считать такой подход вычленения фраз с маркерами речевого отгораживания в других ситуациях и дискурсах? Возможно ли, что одни и те же лексические единицы будут использованы по своему прямому назначению? Так, например, почему, по мнению автора работы, выражение *I thought* в следующих фразах «*I thought you said eight forty five*», «*I thought it was translated*» (с.107), используется не по своему прямому назначению как выражение мнения, а употребляется в качестве хеджа? Причем даже данные слухового и электроакустического анализа отмечают ударную позицию глагола во фразе, что свидетельствует на осознанное желание говорящего высказать мнение. Всегда ли следует говорить о том, что выражение мнения – это маркер речевого отгораживания?

4. В тексте диссертации автор неоднократно отмечает, что описывает особенности хеджинга в диалоге (с. 9, 11, 12, 73), и обращает внимание на то, что «для верной интерпретации хеджированного высказывания важно учитывать контекст» (с. 26, 28, 35, 55 и т.д.), однако при этом все примеры в работе, за исключением одного (с.146) представляют изолированные от контекста фразы.

Автор приходит к выводу, что модальные глаголы и лексема *just* в анализируемом практическом материале характеризуются просодической

непроминентностью, что является вполне закономерным, поскольку они функционируют в качестве служебных слов во фразе и не получают выделения, что уже описано во многих фонетических работах (В.А. Васильев, Ж.Б. Веренинова, Н.Д. Лукина, Т.В. Медведева, и др.). К сожалению, автор не учитывает предыдущие исследования, проводит достаточно подробный анализ и делает то же самое заключение.

Также отметим, что при описании изменений, происходящих в речи на фонетическом и просодическом уровне, автором допускаются некоторые неточности:

1. стр. 103 «...отметим характерную для модального глагола редукцию... *would* в основном редуцируется количественно»
2. стр. 148 «несмотря на ударную позицию в синтагме, модальный глагол *can* все равно подвергается редукции и произносится как /kən/». Данные утверждения существенно противоречат правилам, описанным специалистами в учебниках и работах по фонетике английского языка.

В качестве пожеланий и рекомендаций хотелось бы отметить следующее:

В работе автор не предлагает список фонетических символов, отображающих ядерные тоны, шкалы и другие характеристики в разметке предложений. Поскольку символы могут отличаться в разных фонетических школах, желательно было бы иметь такой список в целях устранения неоднозначного прочтения интонированных фраз.

Необходимо отметить тщательность разработки этапов исследования, включающего перцептивный и электроакустический анализ, а также контекстуальный и функционально-прагматический анализ, корректность методов его выполнения и логически обоснованную интерпретацию результатов, полученных автором. Значительный объем звучащего материала, комплексный подход к решению исследовательских задач, методологическая обоснованность исследования обеспечивают **надежность и достоверность** полученных данных.

Полученные в итоге этого научного исследования результаты находят свое подробное освещение в весьма обстоятельном заключении к работе. Эти результаты определяют общую теоретическую и практическую значимость представленной диссертации и подтверждают возможности её последующего использования как ценного источника для исследователей в области прагмафонетики и фоностилистики. Е.А. Щегорцова продемонстрировала аналитическую зрелость, умение разбираться в сложных научных проблемах. Высказанные в процессе знакомства с текстом диссертации замечания не снижают общего положительного впечатления о ней.

Подводя итог, необходимо отметить, что диссертация Е.А. Щегорцовой представляет собой законченное современное научное исследование, научно-квалификационную работу, содержащую ряд новых важных результатов, имеющих значение для развития филологии. Актуальность результатов обусловлена тем, что они расширяют представления о функционировании хеджей в устном речевом дискурсе в рамках английской лингвокультуры.

Таким образом, в диссертации развиваются идеи прагмалингвистики, дискурс анализа, фонетики.

Основные результаты работы прошли надлежащую апробацию и опубликованы в 9 статьях, в том числе 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Диссертация Щегорцовой Елизаветы Алексеевны «Просодические особенности хеджинга в межличностной коммуникации британцев (на материале художественных фильмов и сериалов)» полностью соответствует пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями, которые утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 января 2024 г. № 62), а ее автор достоин присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские языки).

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Официальный оппонент
к.филол.наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики
и переводоведения факультета
лингвистики и межкультурной
коммуникации Одинцовского филиала
ФГАОУ ВО «Московский
Государственный институт
Международных отношений
(университет) Министерства
иностраннных дел
Российской Федерации»

Юлия Евгеньевна Иванова

143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная д.3,
8(495) 661-71-98, 8(495) 661-71-22 доб. 53-70.
e-mail: y.ivanova@odin.mgimo.ru

07.04.2025

Подпись руки <u>Иванова Ю.Е.</u> заверяю.
Заместитель начальника отдела по работе с персоналом
<u>Ю.Н. Мамонтова</u>
« <u>7</u> » <u>апреля</u> 20 <u>25</u> г.